

ственное крестьянство конца XIX – начала XX в. не желало воспринимать землю рационально-прагматическим образом, как вещь. Вне всякого сомнения, элемент иррационализма здесь был весьма значителен. Именно этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие прямой или опосредованной связи между количеством и временем переделов и степенью наделенности крестьян землей.

Вместе с тем в XIX в. в России наблюдается бурный рост народонаселения. В итоге, как ни старались крестьяне увеличить количество земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, темпы этого процесса уступали динамике прироста народонаселения. К концу XIX в. возможности экстенсивного развития сельского хозяйства, когда прирост аграрной продукции мог быть осуществлен благодаря вовлечению в сельскохозяйственный оборот все новых и новых территорий, были исчерпаны. Все это до крайности осложняло для российского крестьянства возможность реализации безболезненного варианта аграрной реформы.

Примечания

- 1 Бунге Н. Х. О финансовой политике России // Исторический архив. М., 1960. С. 130–145.
- 2 См.: Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 61.
- 3 См.: Письмо В. К. Плеве – А. А. Кирееву // Красный архив. М., 1926. Т. 5. С. 202–203.
- 4 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 4. Л. 72–73.
- 5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4446. Л. 199 об–200.
- 6 См.: Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Саратов, 1902. Вып. 1. Ч. 1. С. 125.

- 7 См.: Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1910. С. 194–206.
- 8 Там же. С. 202–203.
- 9 См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство. М., 1980. С. 25.
- 10 См.: ГАСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5806. Л. 1–348.
- 11 См.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970. С. 360–366.
- 12 Там же. С. 369.
- 13 Там же.
- 14 РГИА. Ф. 598. Оп. 241. Д. 51. Л. 27–29.
- 15 См.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцева / под ред. П. А. Зайончковского. М., 1961. Т. 2. С. 571–575.
- 16 См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 375.
- 17 Там же. С. 377.
- 18 ОР РГБ. Ф. 120. Д. 19. Л. 101.
- 19 Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 20 Там же.
- 21 ОР РГБ. Ф. 120. Д. 19. Л. 101.
- 22 Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 23 См.: ПСЗ-III. Т. XIII. Отд. I. № 52941.
- 24 См.: Макарин А. В. Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000. С. 10.
- 25 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2234. Л. 166–170 (об.)
- 26 См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 377.
- 27 ПСЗ-III. Т. XIII. Отд. I. № 52941.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 ПСЗ-II. Т. 13. № 9754.
- 31 РГИА. Ф. 560. Оп. 2. Д. 604. Л. 6 (об).
- 32 См.: Анфимов А. М. Указ. соч. С. 100–104.

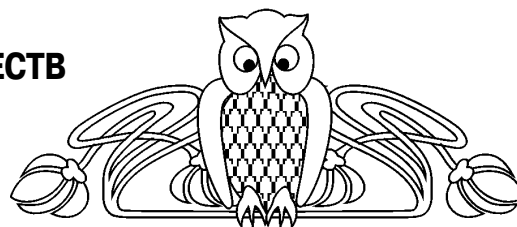
УДК 94(47)

«ПРАВИЛА ОЦЕНКИ НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВ ДЛЯ ОБЛОЖЕНИЯ ЗЕМСКИМИ СБОРАМИ» 8 ИЮНЯ 1893 ГОДА И ИЗМЕНЕНИЕ ЗАДАЧ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ

С. В. Лёвин

Саратовский государственный университет
Балашовский филиал
E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

В 90-е гг. XIX в. в российских земских губерниях проводились оценочные работы по определению доходности земель сельскохозяйственного назначения, а также недвижимого имущества с целью обложения их земскими налогами. Начало этим исследованиям было положено изданием 8 июня 1893 г. закона «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами», который поставил проведение земских статистических работ под контроль правительства. В статье рассматриваются основные положения закона, отношение к нему земских статистиков, создание в губерниях и уездах специальных оценочных комиссий.

Ключевые слова: губерния, закон, земство, недвижимое имущество, оценочные работы, статистика, уезд.

«Rules of an Estimation Immovable Property for Taxation by Zemstvo Gathering» on June, 8th, 1893 and Change of Problems of Zemstvo Statistics

S. V. Lyovin

In the 90s of the XIX century in Russia's zemstvo gubernias appraise work was being done on determining the earning power of the lands intended for agriculture, and also real estate for the purpose of imposing zemstvo taxes. The foundation for that research was laid by ordaining the law «Rules of assessment of real estate for imposing zemstvo fees» on June 8, 1893 which put the performance of zemstvo statistical work under government control. The article deals with the basic issues of the law, the way zemstvo statisticians treated it,

the foundation of special evaluation commissions in gubernias and uyezds.

Key words: gubernia, law, zemstvo, real estate, appraisal work, statistics, uyezd.

Значение земских статистических работ по определению экономического положения крестьянских хозяйств неопределимо для изучения социально-экономического развития России пореформенного периода. По подсчётам видного земского деятеля и статистика А. Ф. Фортунатова, к 1894 г. земские статистические переписи охватили 171 уезд на территории 25 губерний, или 3 944 898 крестьянских дворов с населением в 23 508 452 человека¹. «Подобного детального, охватывающего такую громадную населённую территорию, обследования хозяйственной жизни народа, кроме русской земской статистики, не дало ни одно учреждение, ни одна страна. Россия поистине может гордиться этим трудом», – восторгался земский статистик Д. М. Рихтер². В. И. Ленин, неоднократно обращавшийся к материалам земской статистики при написании своих экономических работ, отмечал: «Нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики»³.

В истории земской статистики отечественные исследователи выделяют три периода, или этапа её становления и развития, охватывающих временные рамки с 1870-х гг. по 1917 год.

Первый период – 1870-е гг. – 1893 г., – с полным основанием можно назвать временем становления и относительно самостоятельного творческого развития земской статистики. В эти десятилетия создаются статистические отделы (бюро) при губернских земских управах, составляются программы исследований, определяются их цели и задачи, разрабатываются наиболее эффективные способы сбора первичных данных, методы их научной обработки, приёмы группировки цифрового материала и построения статистических таблиц. Главным объектом изучения являлось крестьянское хозяйство. По справедливому замечанию А. И. Гозулова, «это был период торжества статистических приёмов изучения русской деревни»⁴. В 1870-х – начале 1890-х гг. правительство не выделяло на земскую статистику никаких денег, но и не вмешивалось в её дела; организация и проведение статистических работ в губерниях целиком и полностью лежали на земстве.

На втором этапе (1894–1899 гг.) земские статистические бюро функционировали уже под жёстким и постоянным контролем правительства, которое с 1900 г. (начало третьего этапа в истории земской статистики) финансировало земские статистические исследования, ежегодно выделяя на это 1 млн рублей на все земские губернии. Соответственно, правительство и формировало заказ на проведение статистических работ, который определялся настоятельной необходимостью

иметь точные данные для налогообложения недвижимого имущества промышленного и аграрного секторов страны. С этой целью 8 июня 1893 г. были приняты «Высочайше утверждённые Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами». Согласно данным «Правилам», земли, находившиеся в сельскохозяйственном обороте, леса, постройки хозяйственного назначения, помещения фабрик и заводов, иное недвижимое имущество подлежали обязательной оценке с целью их обложения земскими налогами. Для этого во всех земских губерниях создавались специальные учреждения – губернские и уездные оценочные комиссии.

В состав губернской оценочной комиссии входили управляющие Казённой палатой, отделением государственного Дворянского земельного банка, государственным имуществом и акцизными сборами, неперемный член губернского по крестьянским делам присутствия, председатель губернской земской управы, двое земских гласных по выбору губернского земского собрания и городского головы. Возглавлял комиссию губернский предводитель дворянства.

Уездная оценочная комиссия формировалась из податного инспектора, неперемного члена уездного по крестьянским делам присутствия (или одного из участковых земских начальников, назначаемого в состав комиссии губернатором), председателя уездной земской управы, двух членов по выбору уездного земского собрания и уездной городской думы, представителя ведомства государственных имуществ. Председателем оценочной комиссии назначался уездный предводитель дворянства. Кроме того, в тех уездах, где существовали горный промысел, казённое и удельное имущество, в состав комиссий включались также представители от этих ведомств.

Губернские оценочные комиссии должны были наблюдать за «успешным исполнением Уездными Оценочными Комиссиями и Уездными Земскими Управами обязанностей их по оценке недвижимых имуществ», доводить до их сведения инструкции и указания «относительно порядка и приёмов сей оценки», а также рассматривать «предположения Уездных Оценочных Комиссий об общих основаниях оценки недвижимых имуществ в уездах и согласование оных по отдельным уездам...»⁵.

На уездные оценочные комиссии возлагалось «1) установление, по представлению Уездной Земской Управы, общих оснований оценки недвижимых имуществ в уезде, 2) общее руководство действиями Уездной Земской Управы по производству оценок отдельных недвижимых имуществ, 3) рассмотрение представлений Уездной Земской Управы по ходатайствам землевладельцев о понижении оценки доходности землевладений, 4) рассмотрение возражений на произведённые Управою оценки отдельных недвижимых имуществ»⁶.

Таким образом, губернские и уездные оценочные комиссии выполняли контролирующие функции, а вся тяжесть работы и полнота ответственности была возложена на уездные земские управы. «К обязанностям уездной земской управы по оценке недвижимых имуществ, – говорится в статье шестой «Правил», – относится: 1) ведение поземельных книг и описей (инвентарей) всех подлежащих оценке недвижимых имуществ в уезде, 2) соби́рание данных о составе оцениваемых имуществ, об арендных платах, ценах на работы и произведения земли и других тому подобных сведений, необходимых для установления общих оснований оценки и отдельных оценок недвижимых имуществ, <...> 4) производство оценок отдельных недвижимых имуществ, согласно утверждённым, установленным порядкам, общим основаниям оценки недвижимых имуществ и 5) ведение делопроизводства уездной оценочной комиссии»⁷.

Земельные владения и недвижимое имущество оценивались «по средней чистой их доходности». Если же определить «среднюю доходность» было практически невозможно, то доходность недвижимости должна была «исчисляться в определённом отношении к оценке имущества»⁸. Согласно «Правилам» оценке подлежали не только земли, но и лесные угодья, которые разделили на два разряда. К первому «причисляются леса, в которых установлен или же, по состоянию леса и по условиям его сбыта, может быть установлен хозяйственный план ежегодной вырубki...»⁹. Ко второму разряду отнесены «все остальные леса». Лесные угодья первого разряда оценивались по величине дохода, приносимого «каждой отдельной лесной дачей, исчисляемой по соображению с соответствующим состоянию и породе леса оборотом рубки его», а также исходя из цен «на лесные материалы и побочные выгоды от лесовладения (от пастьбы скота, сенокосения и т. п.)». Для определения доходности лесов, вошедших во второй разряд, устанавливалась «средняя доходность десятины леса, определяемая в известной, сообразно местным условиям, соразмерности с доходностью других земельных угодий»¹⁰.

Не все земли и недвижимое имущество подлежали оценке и последующему налогообложению. Не оценивались земли и иное недвижимое имущество, не приносявшие дохода своим владельцам, находившиеся в ведении дворцового государственного имущества, церковей, монастырей, духовных учебных заведений, благотворительных учреждений, научных обществ и т. п., – всего 16 категорий.

Городская недвижимость также подразделялась на две категории. К первой относились помещения, сдаваемые в аренду (наём). Их доходность определялась «по средней за оное наёмной плате, за вычетом необходимых по имуществу расходов и вероятного по местным условиям недобора в доходе вследствие простоя

помещения». Доходность строений, не сдаваемых в аренду, «определяется по соображению с доходностью, исчисленною для однородных имуществ, сдаваемых в наём»¹¹.

По таким же основаниям высчитывалась доходность «сельских построек», но с двумя нюансами, а именно: «1) доходность дворовых участков при сельских постройках, оцениваемых по их материальной стоимости, приравнивается к средней доходности усадебной земли в той же местности; 2) отношение средней доходности к ценности построек определяется не свыше 5%»¹². По аналогичным критериям предполагалось проводить оценку заводов и фабрик, но с учётом находившегося в них производственно-технического оборудования.

«Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» отстаивали интересы дворян. Доходность частного землевладения рассчитывалась «на основании проверенного заявления владельца о среднем размере полученного им чистого дохода»¹³. Естественно, дворяне-землевладельцы старались всячески снизить получаемый с земли и другого недвижимого имущества доход.

«Правила» поставили многие земства в затруднительное положение, так как не все они имели необходимый опыт проведения в своих губерниях оценочных работ. А. И. Гозулов считал, что до 1893 г. «земские статистические органы занимались изучением крестьянского хозяйства, оставляя в тени практические задачи оценочного дела»¹⁴. С данным утверждением нельзя согласиться. Земские статистики и до 1893 г. занимались оценочными работами, но они не занимали главное место в земских статистических исследованиях. Так, например, Московское земство ещё в 1882 г. «во время своих основных работ по статистике собрало, согласно поставленной ему задаче, также и данные для правильной оценки земель, после чего выработало нормы к их равномерному обложению»¹⁵. Эти нормы в 1882 г. приняли все уездные земства губернии. В 1879 и 1889 гг. московские статистики произвели оценку городской недвижимости, в 1881–1882 гг. – заводов и фабрик, а в 1888 г. по ими же разработанным критериям предприняли оценку сельской недвижимости, сдаваемой в наём. Начиная работы по оценке земель и недвижимого имущества, согласно закону от 8 июня 1893 гг., московские статистики успешно использовали уже наработанный ими статистический материал.

Работы черниговского статистического отделения при губернской земской управе с самого начала носили оценочный характер и уже в первой половине 1880-х гг. принесли, по образному выражению П. П. Фирсова, «свой практический плод, послужив основанием для переоценки земель Черниговской губернии и сообразной с ней раскладки губернского земского сбора и государственного поземельного налога между отдельными уездами,

составляющими Черниговскую губернию»¹⁶. В 1882 г. к оценочным работам приступили нижегородские статистики.

Однако у многих земств не было необходимого соответствующего опыта и они в спешном порядке приступили к созданию оценочных комиссий, которые, по критическому замечанию А. В. Пешехонова, оказались «неспособны, как выяснила практика, руководить делом оценки, внесли лишь ряд задержек и усилили трение, т. е. потребовали напрасной траты сил от земских управ и их статистических отделений»¹⁷.

Вопросы определения доходности земель, городской и сельской недвижимости стали главным предметом обсуждения земских статистиков на IX, X и XI съездах русских естествоиспытателей и врачей. На X съезде в составе подсекции статистики была образована специальная комиссия, на заседаниях которой рассматривались доклады «по вопросу о производстве земских оценок». Комиссия выработала критерии, которые для некоторых местностей, схожих по природно-климатическим условиям, численности населения, уровню хозяйственного, социального и культурного развития, могли быть применимы как относительно общие для определения доходности сельскохозяйственных угодий и недвижимости. В частности, все члены комиссии пришли к заключению, что наилучшим методом оценочных исследований является подворная перепись. «При выполнении закона 8 июня 1893 года подворная перепись представляется наилучшим, а иногда и единственным методом для получения вполне достоверных данных, необходимых для установления оценочных норм и, главное, для установления однородных в хозяйственном отношении местностей», – говорится в заключительном протоколе комиссии¹⁸.

Участники съезда с сожалением констатировали, что оценочные работы в губерниях проходили крайне медленно. В Саратовской губернии «работы по переоценке имущества согласно закону 8 июня 1893 г. были начаты с осени 1895 г., причём в течение последних месяцев 1895 г. и всего 1896 г. эти работы заключались в извлечении необходимых материалов из дел и документов разных учреждений, в изготовлении копий с уездных межевых карт и алфавитов к ним, в копировании планов для частных землевладельцев и крестьянских обществ»¹⁹.

Чтобы осуществить оценку земель и недвижимого имущества губернского центра, уездных городов, сёл и деревень в соответствии с новыми требованиями, земским статистикам необходимо было провести масштабное социально-экономическое исследование по выявлению факторов, определяющих размеры доходности земель и недвижимости. Конечно, наиболее важное место среди оценочных исследований занимали работы по определению доходности земельных угодий. В большинстве губерний изучение доходности земли велось в такой последовательности: перво-

начально характеризовались «естественно-исторические особенности» почв, после чего производился учёт общеэкономических факторов и урожайности земли. Это обусловило оформление в статистической практике двух способов определения доходности земель: 1) по арендным ценам; 2) на основании рыночной стоимости полученной продукции после вычета затраченных на неё расходов. Второй способ определения доходности земли являлся более сложным и предполагал вначале вычисление валовой доходности с одной десятины отдельных видов земельных угодий, которая зависела от размера полученного урожая и сложившихся рыночных цен на продукты. Важно отметить, что при этом определялась средняя урожайность, причём для разных по хозяйственной состоятельности групп землевладельцев. Некоторые статистики считали это наиболее слабым местом оценочного исследования, заявляя, что невозможно высчитать среднюю урожайность для состоятельных, экономически крепких и бедных хозяйств. Но средняя урожайность исчислялась и для состоятельных, и для бедных сельскохозяйственных хозяйств. Их земли группировались в районы и разряды: пахотные, лесные, сенокосные. Однородные районы объединялись в так называемый оценочный почвенный разряд. Что же касается средней доходности одной десятины пашни такого разряда, то она определялась на основании уже целого ряда средних величин: средней урожайности, среднего соотношения посева озимых и яровых культур, средних цен на продукцию растениеводства и средних затрат на производство этой продукции. При этом учитывались как обычные условия растениеводства, так и наиболее распространённый в данной местности уровень сельскохозяйственной техники. Определяя среднюю урожайность одного района, статистики игнорировали посевную площадь. Напротив, главным критерием высчитывания средней урожайности по разрядам являлась площадь посева каждого района.

Наряду с фактической урожайностью определялась и так называемая нормальная урожайность, которая уже не отражала влияния индивидуальных экономических условий. В этом случае районы каждого земельного разряда делились на две группы. В первую группу вошли земли, оцениваемые по количеству удобрений, вносимых на одну десятину, во вторую – по проценту удобряемой почвы. Урожайность каждой группы выражалась в абсолютных величинах, поэтому среднюю урожайность по группам стали называть абсолютной урожайностью. Нормальная урожайность во многом зависела от наличия (или отсутствия) сельскохозяйственной техники и степени удобрения почвы. Чистый денежный доход, получаемый землевладельцем с одной десятины, вычислялся также в виде средней величины отдельно по яровым и озимым культурам. Аналогичные методы земские статистики

использовали и при оценке лугов, сенокосов, других земельных угодий с учётом их местных особенностей.

Метод определения доходности сельскохозяйственных земель на основе сочетания естественно-исторических и экономических факторов получил широкое распространение и стал основным оценочным методом, применявшимся земскими статистиками. С использованием этого метода с 1894 по 1902 г. была проведена оценка земель в 17 земских губерниях. Что же касается недвижимого имущества, то в большинстве губерний в качестве основного фактора оценки была принята его «чистая доходность».

Земские статистики в большинстве своём негативно отнеслись к новому закону. И. П. Белокопский называл его не иначе как «покушением на земскую статистику»²⁰. Даже по прошествии двадцати лет А. А. Кауфман на вопрос о том, какое влияние оказали «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» на земскую статистику, отвечал: «Во многих отношениях оно было отрицательным. Земская статистика, несомненно, страдает под тягостью оценочных наростов. <...>. Самый интерес земских статистиков в значительной мере поглощается чуждыми существу земской статистики оценочными задачами и вопросами...»²¹. В. И. Ленин, анализируя земскую оценочно-статистическую литературу, писал: «Закон 8-го июня 1893 г. об оценке недвижимых имуществ, введший равным образом принцип регламентации и стесняющий права земства в деле обложения, тоже встречен не сочувственно и в массе случаев вовсе не применяется»²².

Деятельность губернских и особенно уездных оценочных комиссий оказалась малоэффективной. Выступая на X съезде русских естествоиспытателей и врачей, И. П. Белокопский «печальное состояние дела оценки недвижимых имуществ» объяснял так: «Причина кроется в том, что правила изъятия статистики из ведения земства и передали в руки оценочных комиссий»²³. А. А. Русов отмечал, что уездные оценочные комиссии, на которые была возложена вся тяжесть проведения оценочных работ, «или вовсе не собирались, или если собирались, то для того только, чтобы написать протоколы о заседаниях и выслушать какие-либо циркуляры и принять их к сведению, но не к исполнению, ибо исполнителей в уездах не было»²⁴.

Нехватка специалистов, которые могли бы провести оценку земель и недвижимого имущества уезда, руководствуясь положениями закона, остро ощущалась во многих земствах. В некоторых губерниях земства приступили к оценочным работам, опираясь на данные подворной переписи крестьянских хозяйств, проведённой ещё в 1880-х гг. Так, в Саратовской губернии «богатые материалы, накопившиеся в губернской управе, благодаря производившимся до сего времени

различным статистическим работам, вообще оказывают во многих случаях незаменимую помощь при выполнении настоящих работ по оценке земель»²⁵.

Другая не менее важная проблема, с которой столкнулись земские статистики, – невозможность оценить земли и недвижимое имущество согласно нормам «Правил» в различных по хозяйственной специализации районах. «Как показывает опыт земских оценочных и общестатистических работ, проводившихся в различных местностях России, естественные и хозяйственные условия разных районов так не сходны, что выработка вполне однообразных, одинаково применяемых для всех местностей приёмов оценки совершенно недостижима», – отмечал в своём докладе Н. Ф. Анненский²⁶. В тех губерниях, где земледелие составляло основу их экономического развития, и в губерниях с преобладающим развитием промышленного производства критерии для определения доходности земли не могли быть одинаковыми. Так, в Тульской губернии определение доходности недвижимого имущества Тулы по критериям, закреплённым в законе 8 июня, вызвало «энергические возражения со стороны уполномоченных городского общественного управления»²⁷. Руководивший оценочными работами С. А. Харизоменов выразил надежду, что «оценочные работы дадут достаточный материал по вопросу о несоответствии максимальной доходности, принятой законом для фабрик и заводов, с действительной и тогда представится возможность внести соответствующие поправки в закон 8 июня 1893 года»²⁸. Даже по уездам, различавшимся по хозяйственной специализации, затруднительно было проводить оценочные работы в соответствии с «Правилами оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами». Например, в Саратовской губернии «уездные оценочные учреждения трёх уездов – Вольского, Хвалынского, Царицынского, не возражая по существу против принятых для оценки оснований, дали заключение о неприемлемости для этих уездов спроектированных оценочных норм в том виде, как это значит в работах Оценочного отделения»²⁹.

«Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» стали очередным шагом правительства, направленным на ограничение хозяйственной самостоятельности земства. По мнению И. П. Белокопского, с которым нельзя не согласиться, «правительство, вводя “Правила”, думало, во-первых, изъять обложение имущества из рук земств, во-вторых – превратить земскую статистику в официальное учреждение, содержащее на средства правительства и всецело подчинённое губернским и уездным комитетам, и, в-третьих, наконец, – прекратить местные подворные исследования, которыми статистики, по мнению бюрократии, пользовались исключительно для целей пропаганды»³⁰.

Анализируя полученные результаты проведённых оценочных работ, земские статистики на первом заседании комиссии по вопросу об организации земско-статистических оценочных исследований 9 февраля 1898 г. констатировали, что «из губерний, в которых производство оценочных работ сосредоточено при губернских управах, только в одной Нижегородской все оценочные работы закончены, причём этот результат наступил здесь благодаря тому, что исследования, начатые ещё до издания закона 8 июня 1893 г., оказались вполне отвечающими требованиям нового закона»³¹.

Трудности в проведении оценочных работ привели к изменению правил оценки недвижимого имущества. 18 января 1899 г. был издан закон «Об изменении Высочайше утверждённых, 8 июня 1893 года, Правил оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами и об отпуске земским учреждениям пособия от казны на оценочные работы», который изъяснял оценочные работы из ведения уездных земских управ и оценочных комиссий и передал губернским земским управам. Кроме того, на проведение оценочных исследований правительство, начиная с 1 января 1899 г., выделяет «пособие губернским земствам 34 губерний, в коих введено Положение о земских учреждениях, в размере одного миллиона рублей...»³². Эти деньги распределялись между губернскими земствами «по соображению с количеством земли, облагаемой земскими сборами в каждой губернии, и с числом отдельных владений в последней»³³.

Таким образом, правительство окончательно поставило все статистические работы земства под свой контроль, направляя их в нужном для себя направлении, формируя заказ на статистические исследования и оплачивая их. Думается, можно выделить следующие причины этого явления: 1) правительство убедилось, что земствам удалось создать действенную, эффективную статистическую службу, способную решать масштабные задачи по исследованию различных сторон социально-экономического развития страны; 2) ставя под контроль статистические работы, правительство, тем самым, брало под контроль и всю деятельность земских статистиков, более других представителей «третьего элемента» земства соприкасавшихся по характеру своей работы с крестьянским населением, что не могло не вызывать беспокойства администрации; 3) финансируя оценочные работы, правительство, тем самым, в значительной степени ограничивало хозяйственную самостоятельность земства, а земские статистики всё больше и больше превращались в государственных служащих. Вполне определённо можно считать, что с введением в действие «Правил оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» заканчивается этап сравнительно самостоятельного, творческого развития земской статистики.

Примечания

- ¹ А. Ф-товъ [Фортуатов А. Ф.]. Земская статистика // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Т. XIIа. С. 494.
- ² Рихтер Д. М. Земская статистика на празднике русской науки // Русское богатство. 1894. № 3. С. 38.
- ³ Ленин В. И. Некритическая критика // Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. М., 1967. Т. 3. С. 632.
- ⁴ Гозулов А. И. История отечественной статистики. М., 1957. С. 52.
- ⁵ ПСЗ. Собрание 3-е. СПб., 1897. Т. XII. № 9744. С. 415.
- ⁶ Там же. С. 416.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 417.
- ⁹ Там же. С. 418.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 417.
- ¹⁴ Гозулов А. И. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁵ Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы со времени учреждения земств 1864–1903 / сост. В. Ф. Караваев. СПб., 1906. Вып. 1. С. 284.
- ¹⁶ Фирсов П. П. К вопросу об оценке земель, как предмета земского обложения (историко-критический очерк). Херсон, 1894. С. 65.
- ¹⁷ Пешехонов А. В. Внешние условия земско-статистических работ // Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге 20–30 декабря 1901 г. СПб., 1902. С. 481.
- ¹⁸ Протокол заседания комиссии по вопросу о важности сплошных подворных исследований в целях наиболее правильной оценки земель // Труды Комиссии по вопросу об организации земско-статистических оценочных исследований (9–20 февраля). М., 1898. С. 41.
- ¹⁹ Об оценочных работах // Доклады Саратовской губернской земской управы XXXIII очередному Саратовскому губернскому земскому собранию. Саратов, 1898. С. 34.
- ²⁰ Белокопский И. П. Земское движение. М., 1914. С. 44.
- ²¹ Кауфман А. А. Земская статистика // 1864–1914. Юбилейный земский сборник / под ред. Б. Б. Веселовского, З. Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 267–268.
- ²² Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 49.
- ²³ Белокопский И. П. О ненормальности постановки оценочных работ // Дневник X-го съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве / под ред. Л. Л. Лунда. Киев, 1898. № 7. С. 233–234.
- ²⁴ Русов А. А. История развития русской оценочной статистики. Киев, 1908. С. 87.
- ²⁵ Об оценочных работах // Доклады Саратовской губернской земской управы XXXIII очередному Саратовскому губернскому собранию. С. 36.
- ²⁶ Анненский Н. Ф. Земский кадастр и земская статистика // Труды подсекции статистики IX съезда русских

естествоиспытателей и врачей в Москве 3–11 января 1894 г. М., 1895. С. 71.

²⁷ Материалы для оценки недвижимых имуществ Тульской губернии. Тверь, 1901. Вып. 1 : город Тула. С. 26.

²⁸ Там же. С. 31–32.

²⁹ Доклад Саратовской губернской земской управы по заключениям, представленным уездными земскими собраниями и уездными оценочными комиссиями о спроектированных нормах для оценки недвижимых

имуществ в Саратовской губернии и объяснения к ним губернской управы. Саратов, б. г. С. 6.

³⁰ Белокопский И. П. Земское движение. С. 44.

³¹ Труды Комиссии по вопросу об организации земско-статистических оценочных исследований (9–20 февраля). С. 4.

³² ПСЗ. Собрание 3-е. СПб., 1902. Т. XIX (1899). Отд. 1. № 16364. С. 34.

³³ Там же.

УДК 329.14(47+57)

ЧТО ТАКОЕ «ЛЕГАЛЬНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО»?

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет
E-mail: mok410@mail.ru

В данной статье выясняется происхождение и содержание понятия «легальное народничество»; уточняется персональный состав легальных народников; предлагается новая типология течений легально-народнической мысли; анализируются мнения исследователей по затронутым в статье проблемам.

Ключевые слова: идеология, интеллигенция, история, легальное народничество, реформизм, типология.

What is «Legal Populism»?

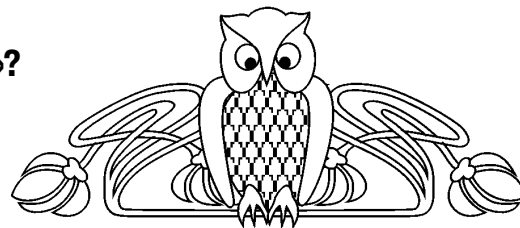
G. N. Mokshin

In this article the author investigates and analyses the content of the notion «legal populism». He makes personal stuff of legal populist precise. A new typology of legal populist thought is proposed. Different points of view of scientists on the theme are analyzed.

Key words: ideology, intelligentsia, history, legal populism, reforming, typology.

Что означает термин «легальное народничество»? Необходимость разрешения этого вопроса определяется не только терминологической путаницей, возникающей при определении правого (нереволюционного) крыла народничества (наименование его не только «легальным», но и «либеральным», «реформаторским», «эволюционным», «мирным» и т. д.)¹. Проблема в том, что у современных исследователей отсутствует четкое представление о внутреннем содержании этого явления пореформенной российской жизни, а следовательно, и о том, кого следует считать легальными народниками.

«Легальное народничество» – это не самоназвание. Большинство сторонников эволюционного пути к крестьянскому социализму именовало себя демократами, интеллигентами, народолюбцами – и очень редко народниками. Дело в том, что в легальной печати 1880-х – начала 1890-х гг. народничество ассоциировалось с крайним его представителем – И. И. Каблицем. В своем главном труде «Основы народничества» (СПб., 1882;

1888–1893) он доказывал необходимость смотреть на ближайшие задачи русской жизни «глазами мужика». Поэтому не согласные с этим принципом Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко и даже Я. В. Абрамов, пришедший в газету «Неделя» на смену Каблицу, не называли себя народниками. Лишь в начале 1890-х гг., когда популярность идей Каблицы сошла на нет, вторую жизнь слову «народник» попытался дать Воронцов в своих «Попытках обоснования народничества» («Русское богатство» 1892–1893 гг.). Но все попытки объединить легальных народников вокруг задачи «умственного подъема массы» завершились окончательным разрывом между народниками-культурниками и народниками-политиками. При чем Михайловский публично отказался от чести именоваться народником.

Наличие острых идейно-тактических противоречий не позволило легальным народникам выработать общую программу действий и подходящее для всех самоназвание. И если кто-то из них называл себя народником, то с обязательным противопоставлением своей позиции так называемым лженародникам. На самом деле, между народниками «Отечественных записок», «Русского богатства» и «Недели» было много общего, на что еще в начале 1880-х гг. указывал редактор журнала «Мысль» Л. Е. Оболенский. Он одним из первых предложил для них общее название «народники-западники» (или «народники-либералы»), противопоставив их «народникам-славянофилам» во главе с Ф. М. Достоевским².

В литературе и общественном сознании восприятие правого (нереволюционного) крыла народничества как единого общественно-политического течения относится лишь к 90-м гг. XIX в., когда его теоретики единым фронтом выступили против русских марксистов. С начала XX в. появляются первые публикации по истории общественного движения последней трети XIX в., в которых данное течение народнической мысли